

КОНСТРУИРУЯ ПЕРИФЕРИЮ

А. Е. БАРЫШНИКОВ

ИМПЕРСКАЯ УГРОЗА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАНДШАФТА ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ РИМСКОЙ БРИТАНИИ¹

В статье рассматриваются перспективы изучения пространства и ландшафта Римской Британии. Последние десятилетия отмечены значительным ростом числа публикаций, в центре которых – проблемы трансформации пространства острова в римское время. Данный «пространственный поворот» далек от завершения, его ключевые термины и концепты еще требуют теоретического осмысления. Однако уже сейчас ясно, что обращение к исследованию пространства и культурного ландшафта римской Британии позволяет сделать шаг к созданию нового, «многоголосого», нарратива, в котором найдется место разным взглядам на изменения региона в I–IV вв.: субъективному римскому и объективному археологическому.

Ключевые слова: Римская Британия, пространство, культурный ландшафт, провинция Римской империи

Сегодня романо-британские исследования представляют одну из наиболее динамично развивающихся отраслей в изучении Римской империи. В значительной мере это определяется интенсивностью археологических работ на территории самой северной провинции римского мира. Благодаря крупным многолетним проектам, охранным раскопкам и деятельности энтузиастов с металлоискателями, корпус источников постоянно увеличивается, и, кажется, нет никаких оснований предполагать, что этот процесс в ближайшее время остановится². Расширение базы источников оказывает двойственное влияние на развитие романо-британистики. С одной стороны, обилие полученных свидетельств позволяет изучать новые аспекты провинциальной истории, с другой – рост доступных данных происходит слишком стремительно. Исследователи не успевают анализировать и осмысливать только что введенные в оборот материалы, равно как и создавать оригинальные интерпретации и реконструкции на основе уже известных источников.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-30029).

² Укажем лишь несколько масштабных проектов последних десятилетий, результаты которых непосредственно влияют на наши представления о пространстве древней Британии: раскопки в районе римского Силчестера в рамках «The Town Life Project» (Fulford 2015b), и мультидисциплинарные исследования региона, населенного племенами дуротригов – «Durotriges Project» (Cheetham, Hambleton, Russell, Smith 2013). О роли коммерческой археологии и охранно-спасательных археологических раскопок, в т. ч. для изучения романо-британских городов: Fulford 2015a.

Одно из последствий – отказ от масштабных нарративов, своеобразным «скелетом» которых выступала событийная история (воспроизводимая без серьезных изменений на протяжении последнего столетия в изданиях с названиями «Римская Британия» и «История римской Британии»). «Антинарративная» позиция обнаруживается в фундаментальном *The Oxford Handbook of Roman Britain*, где вся хронологически-событийная канва истории римской Британии уместается в две страницы, а за ними следует почти тысяча страниц, посвященных анализу разных аспектов римского прошлого острова³. Другое направление связано с попытками создать новый образ римской Британии, качественно иную картину развития Альбиона под властью Рима. Ключевые моменты – отказ от концепции романизации, павшей под ударами многочисленных критиков, и стремление заменить унифицирующую, одномерную интерпретацию романо-британской действительности сложным комплексом представлений, в основе которых – теоретический плюрализм. Наиболее удачный пример – обобщающий труд Дэвида Мэттингли, где опыты микро- и мезо-анализа (в частности, изучение идентичностей и индивидуального опыта взаимодействия римлян и бриттов) сочетаются с макроуровнем исследования (реконструкцией масштабных изменений политического и экономического пространства провинции)⁴.

Внимание к отдельным аспектам провинциальной древности и стремление выстроить комплексную картину произошедших с римской Британией метаморфоз связаны с возрастающей потребностью в новых исследовательских оптиках, которые учитывали бы всё разнообразие расширяющегося корпуса источников, но при этом позволяли увидеть историю региона в целом. Проще говоря, чтобы «переварить» обилие данных, нужно совершенствовать теоретические инструменты. Некоторые из них (концепты гендера и идентичности, глобализации и глокализации) уже активно используются в романо-британских исследованиях⁵. Ими, впрочем, потенциально эффективный теоретический инструментарий не исчерпывается. Интересные результаты могут дать анализ властных структур, иерархии и гетерархии, реконструкция экономического уклада провинции, наконец, обращение к пространственной истории острова. Последняя, как представляется, может стать основной для нового, оригинального синтеза наших знаний о жизни и развитии римской Британии. Именно поэтому она заслуживает особого внимания.

С некоторой степенью условности можно сказать, что пространство Римской Британии редко привлекало внимание исследователей.

³ Millett, Revell, Moore 2016. P. xxvii–xxviii.

⁴ Mattingly 2006. P. 3–20. Общая характеристика концептуального подхода Д. Мэттингли, его слабых и сильных сторон: Барышников 2012. С. 291–294.

⁵ Mattingly 2004; 2006; 2011; Pitts, Versluys 2016; Pitts 2007; 2008; Revell 2009; 2016.

Отдельные аспекты пространственной истории острова – географический фактор и его роль в развитии провинции, региональная специфика, развитие городского пространства, внешние и внутренние границы провинции – затрагивались в публикациях, но редко выходили на первый план. Пространство оставалось фоном, на котором происходили политические события, разворачивались военные действия и протекали социокультурные процессы. Такое восприятие пространства можно увидеть уже в классическом труде Ф. Хэверфилда о романизации Британии. Здесь весь комплекс проблем сжат до характеристики территориальных особенностей провинции в небольшой главе с названием «Предварительные замечания...»: север и запад острова, как отмечает Хэверфилд, на протяжении всего римского времени оставались милитаризованными территориями, в то время как на юге и востоке, свободных от масштабного военного присутствия, распространялись города и виллы⁶. Отношение к пространству как фону сохранялось вплоть до последних десятилетий XX века. Отдельные работы, подобные детальному топографическому исследованию Лео Риве (написанному в соавторстве с Клином Смитом), общую историографическую ситуацию не меняли⁷.

Первые признаки изменений стали заметны с публикацией фундаментального «Атласа Римской Британии» под редакцией Барри Джонса и Дэвида Мэттингли⁸. Данное издание не было простым набором карт с сопроводительными статьями. Оно явилось попыткой переосмыслить историю Британии в римский период через качественно новые интерпретации пространства, учитывающие контекст и динамику развития региона. Общие (и потому неизменно упрощающие) топографические представления о пространстве провинции сменились детализированными реконструкциями разных аспектов романо-британского прошлого – римских завоевательных походов и постоянной оккупации острова, эволюции административного деления региона, урбанизации и развития транспортной системы, экономической стороны римского присутствия, религиозной жизни Британии и проч. Изображения, вместе с развернутыми комментариями создавали новый, визуально-текстовый, тип нарратива, наглядно, через воспроизведение пространства демонстрируя, насколько история римского Альбиона сложнее привычных образов⁹.

Публикация первого издания «Атласа» совпала с началом серьезных теоретических дебатов в романо-британских исследованиях, результатом которых стало осознание концептуальной уязвимости общепринятых взглядов на прошлое провинции и распространение новых

---

⁶ Haverfield 1923. P. 20; подобное восприятие пространства в исследовательской литературе во многом сохраняется до сих пор. См.: Sargent 2002.

⁷ Rivet, Smith 1979.

⁸ Jones, Mattingly 2007² (репринт первого издания 1990 года).

⁹ Jones, Mattingly 2007². P. vii.

подходов к изучению Римской империи и ее регионов. Некоторые из новых разработок оказались быстро (и не всегда заслуженно) забыты, другие – сформировали новый мейнстрим. Так, современные публикации по истории Римской Британии невозможно представить без понятий «глобализация» и «идентичность», в то время как «бриколаж культур» и «креолизация», кажется, больше не привлекают исследователей.

Начиная с первой половины 1990-х интерес к пространству древнейшей Британии и его трансформации начинает стремительно расти. Термины «landscape» и «spatial organization» появляются в заголовках публикаций и темах проектов, и, что еще важнее, становятся ключевыми элементами в структуре исследований экономических, социокультурных и политических изменений в римской Британии. Работы Дэвида Петтса, Луизы Ревелл, Дэвида Мэттингли показывают, что изучение ландшафта и его трансформации, анализ пространственной организации и ее эволюции может быть полезен для реконструкции этнокультурных идентичностей провинции и понимания региональной специфики процессов межкультурного взаимодействия¹⁰.

Количество публикаций, связанных с изучением пространства Римской Британии, казалось бы, позволяет говорить о настоящем «пространственном повороте» в изучении провинции. Но это будет некоторым преувеличением. Насколько можно судить, несмотря на растущий интерес к данной тематике, исследованиям не хватает рефлексии и методологического самоанализа; проще говоря, исследованиям пространства лишь предстоит осознать свою специфичность и сформироваться в качестве самостоятельного направления научного поиска. Важнейшее значение в этом процессе, на наш взгляд, может сыграть осмысление и теоретизация понятия «cultural landscape», которое включает в себя как результаты преобразовательной деятельности по отношению к пространству, так и комплекс существующих представлений о нем¹¹.

---

¹⁰ Dark, Dark 1997; Petts 1998; Mattingly 2006. P. 255–291 (о городах и их влиянии на ландшафт), 379–427 (о сельской местности); Revell 2009. P. 40–79. К числу наиболее интересных направлений исследования можно также отнести изучение речных и сухопутных путей острова, их роли в развитии романо-британского урбанизма и пространства провинции: Witcher 1998; Rogers 2013; Ingate 2019.

¹¹ Даже в тех публикациях, где реконструкция и интерпретация ландшафтов прошлого находится в центре внимания, отсутствуют попытки дать определение и разработать потенциал понятий «landscape» и «cultural landscape». При этом круг понятий, связанных с данной тематикой, уже не только активно используется, но и подвергается рефлексии в смежных направлениях археологического поиска. См.: Robb 1998 (попытка концептуализировать термин «religious landscape»); Aston 1985 (о связи трансформации ландшафта и локальных историй), Birks 1988 (о возможностях применения термина «cultural landscape» к изучению прошлого). Стоит отметить попытки осмыслить понятие «landscape» и потенциал его использования в археологии. Ряд авторов включает в него три основных компонента: экологию поселений, ритуаль-

Наше отношение к пространственным категориям в изучении истории Римской Британии несколько отличается от преобладающего в научных публикациях. Сейчас «пространство» и «ландшафт» являются понятиями, применяемыми прежде всего в археологических исследованиях для интерпретации материальных источников и для описания изменений изучаемого региона. На наш взгляд, пространственный подход можно расширить за счет привлечения свидетельств античной традиции. Трансформация пространства кажется потенциально удачной исследовательской метафорой. Ее использование, поможет обобщить имеющиеся данные, выделить общие черты в развитии региона и локальные вариации, зафиксировать материально осязаемые перемены пространства. С другой стороны, изучение античной традиции поможет увидеть, как изменения культурного ландшафта Британии в римское время отражались в сознании людей прошлого, реконструировать «символическое» преобразование острова.

Романоцентризм такого взгляда на переустройство пространства древнего Альбиона, предопределенный состоянием источников (представленных свидетельствами греческих и римских авторов), нужно учитывать, но он не должен останавливать тех исследователей, кто пытается реконструировать характер трансформации Британии в римское время. Несмотря на регулярную критику в новейших публикациях, римский взгляд остается взглядом современников событий и тем самым сохраняет определенную ценность для историков и археологов¹². Кроме того, обращение к античной традиции и последующее сравнение ее субъективных свидетельств с объективными данными археологии поможет создать обобщающий, «многоголосый» нарратив, включающий и соотносящий два взгляда на изменения пространства римской Британии: «идеальный» и «реальный»¹³.

Для римских и греческих авторов покорение Британии, включение острова в состав Римской империи неизбежно означало изменение ее пространства. Экспансия римской власти, которая должна была восприниматься местными сообществами как процесс распространения

ный ландшафт и этнический ландшафт; к сожалению, насколько нам известно, попытки подобного методологического самоанализа, как и обращения к смежным областям историко-археологического знания, пока не получили распространения в романо-британских исследованиях. См.: Anschuetz, Wilshusen, Scheick 2001.

¹² Своеобразную апологию античной традиции как источника для исследования римской Британии см.: Hurst 2016. P. 110–112. Более скептический взгляд (он преобладает в современных романо-британских исследованиях) см.: Mattingly 2006. P. 37.

¹³ Потенциал обращения к пространству для создания обобщающих нарративов реализуется в новейшей научно-популярной литературе, где авторы используют пространство и ландшафт для рассказа о том, как развивалась Британия. См.: Pруог 2011; Krane 2016 (с большим вниманием к географии, чем к истории).

имперской угрозы по территории острова, для самих римлян представлялась расширением цивилизованного пространства, покорением дикого региона, устранением пограничной угрозы¹⁴. В процессе завоевания Альбион, жители которого по большей части не были знакомы с «нормальным» для греков и римлян образом жизни, обитали в лесах и защищенных природой поселениях (Strabo IV.5.2; Caes. BG. V.12.14), приобретает черты римского культурного ландшафта: появляются города, форумы, храмы (Тас. Agr. 21); происходит качественное переустройство не только жизни, но и самого пространства.

В складывающемся на основе сообщений античных авторов нарративе особенно выделяются свидетельства Тацита, который показывает амбивалентную природу происходивших перемен. С одной стороны, римская власть «приучает» бриттов к мирному существованию, вдохновляет их строить храмы, дома и форумы, окружает «замиренных» заставами и укреплениями (Тас. Ann. XIV.31; Agr. 20–22). С другой, Рим разоряет покоренные территории, превращая их в пустыни, заставляя бояться мира не меньше войны (Agr. 20; 23)¹⁵. Что интересно, Тацит вполне осознает, что подобные трансформации пространства не были простыми результатами материальной деятельности нового романо-британского общества по преобразованию культурного ландшафта. Рассказ римского историка – это еще и история культурного переосмысления пространства, его идеологического покорения – неслучайно в повествовании Тацита храм Клавдия в Камулудуне является не просто строительным проектом новой власти, но символом угнетения, значение которого очевидно для бриттов, притесняемых провинциальной администрацией и ветеранами (Тас. Ann. XIV.31)¹⁶.

Рассказывая о римской экспансии (и шире – о римской политике) в Британии, античная традиция бегло касается еще одного изменения, произошедшего с пространством острова – возникновения новых границ, отделяющих мир Империи от северного варварского мира. Остается лишь сожалеть, что о строительстве вала Адриана, появление которого остается одним из наиболее заметных следствий римской «работы» с пространством, античные авторы почти не сообщают (SHA.

¹⁴ В данном случае несущественно, была ли эта угроза реальной или мнимой (в частности, не очень ясно, насколько отражает действительность утверждение Цезаря о поддержке бриттами восставших галлов – Caes. BG. III.9). Важно, что античные авторы видели в Британии потенциальную угрозу. Об образе Британии в античной традиции см.: Stewart 1995.

¹⁵ См. знаменитую негативную характеристику римского мира в речи Калгака: «...создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (Тас. Agr. 30). Здесь и далее все цитаты из «Анналов» и «Жизнеописания Агриколы» даны в переводе А.С. Бобовича.

¹⁶ «... возведенный божественному Клавдию храм представлялся тринобантам как бы оплотом вечного господства над ними...» (Тас. Ann. XIV.31).

Hadr. 11)¹⁷. Тем более интересными представляются замечания Тацита о том, какими были и какими могли стать пределы провинциального пространства при Агриколе (*Tac. Agr.* 23–24).

Итак, картина создания Римской Британии на основе сообщений античных авторов – это картина трансформации пространства: Империя преобразует болотистый и лесной остров, заселенный воинственными племенами, создает новый культурный ландшафт – с дорогами, гарнизонами, городами, границами, отделяющими новый римский мир от старой варварской периферии. Такой образ пространственной трансформации легко представим, понятен и кажется непротиворечивым (что во многом и предопределяет его «живучесть» в массовом сознании и научно-популярных репрезентациях романо-британских древностей). При этом субъективность подобного нарратива, обусловленная имперской «оптикой», не менее очевидна; впрочем, эту субъективность можно не только учитывать, но и использовать. Глядя на Британию глазами римлян, можно (конечно, с большой долей условности) представить, как эти метаморфозы пространства воспринимались местным населением.

Стоит отметить, что специфика античной традиции о Британии делает подобные реконструкции весьма ограниченными с точки зрения информативности. Множество аспектов, связанных с изменением пространства провинции, осталось за пределами внимания греческих и римских авторов. В частности, такова участь сельской местности, которой – за исключением пассажа Тацита о триновантах, сгоняемых с земель новой властью (*Tac. Ann.* XIV.31), – не нашлось места. Масштабные и комплексные по своему характеру метаморфозы сельского пространства, связанные с распространением вилл и загородных поместий, эволюцией способов хозяйствования, изменениями флоры и фауны, фиксируемые новейшей археологией, не упоминаются античными авторами. То же можно сказать про трансформацию «ритуальных ландшафтов» Британии, ставшую результатом тесного взаимодействия местных культовых и религиозных традиций с имперскими: эта сторона жизни провинции представлена лишь упоминаниями храмов (в том числе, храма Клавдия в Камулудуне) в тексте Тацита.

Археологическое видение трансформации пространства римской Британии, в целом совпадая с картиной, заданной античной традицией, во многих деталях от нее отличается. Кратко охарактеризуем его, обратившись к двум конкретным аспектам происходивших перемен, – развитию романо-британского урбанизма и созданию границ провинции.

Изменения культурного ландшафта острова под влиянием урбанизации, развития городского хозяйства, распространения архитектурных

---

¹⁷ О проблеме создания границ, их влияния на пространство провинции и связи с формированием идентичностей см.: Gardner 2017a; 2017b.

техник, подражающих галло-римским и средиземноморским образцам, вместе с военным присутствием на севере острова составляют наиболее заметные материальные следы римского присутствия. Но, вопреки впечатлению, которое может сложиться под влиянием античной традиции, эта трансформация пространства не была прямым результатом действий провинциальной администрации. Как показывают исследования крупных городов юго-востока Британии (Каллевы, Веруламия, колонии в Камулодуне), римский урбанизм не имплантировался на место, некогда занятое бриттскими оппидумами, но «вырастал» из предшествующих поселений. Элементы римского городского ландшафта смешивались с местными традициями, форумы и портики, упоминаемые Тацитом, соседствовали с круглыми домами доримского образца, регулярная планировка пространства учитывала значимые для бриттского населения места, храмы строились по соседству и в тесной связи с погребениями и сакральными сооружениями местного населения¹⁸. Взаимодействие местного и римского элементов изменяло пространство провинции, создавая новый культурный ландшафт.

Важной стороной трансформации пространства Британии стало появление новых границ – феномен, который не сводился к созданию внешних границ, но включал в себя переустройство внутренних барьеров. Интересы провинциальной администрации привели к появлению территориально-племенных округов (*civitates*), к созданию внутренних границ, отделявших катувеллаунов от триновантов, регнов от атребатов. Эти барьеры, по всей видимости, не вполне совпадали с существовавшими в доримское время. Более того, некоторые изменения пограничных пространств оказались явным новшеством: так, Лондиний возник на пограничной и мало освоенной территории, которая не принадлежала конкретному племени и, возможно, имела сакральное значение. Появление Лондиния и развитие связанной с ним системы сухопутных и водных путей изменили облик региона и решающим образом повлияли на развитие окружающих территорий.

Создание внешних границ, прежде всего валов Адриана и Антонина на севере, привело к появлению нового пространства – провинциального. Границы не были абсолютно непроницаемыми, не отделяли глухой стеной римский мир от варварского, но играли важную роль в конструировании символического пространства, идеологическом обосновании самости и целостности провинции, создании новой общности и новой провинциальной идентичности, объединяющей все население провинции¹⁹. Рождение чувства общности – одно из важнейших последст-

---

¹⁸ Подробнее о развитии романо-британских городов и факторах, предопределивших их специфику, см.: Барышников 2016а.

¹⁹ Ценные наблюдения о новой провинциальной идентичности см.: Ivleva 2016.

вий трансформации пространства Британии под властью Рима. С некоторой долей условности можно сказать, что Британия стала Британией именно в римский период.

Анализ трансформации пространства римской Британии неразрывно связан с вопросами о том, какие факторы влияли на происходившие перемены, какие силы меняли культурный и географический ландшафты острова. Античная традиция естественным образом выдвигает на первый план римский фактор: действия (и бездействия) провинциальных наместников и прокураторов, политическую волю императоров. Данные археологии показывают, что речь нужно вести не столько о римском переустройстве пространства Британии, сколько о трансформации, спровоцированной римским завоеванием и администрированием. В ряде случаев (например, в возникновении и развитии города Каллевы) решающим фактором изменений были деятельность местной элиты и взаимодействие римского и бриттского начал; в других – пространство само «диктовало» суть и характер перемен: так, появление Лондиния во многом было предопределено географическим фактором²⁰.

Многие аспекты изменений пространства римской Британии еще недостаточно изучены. Так, не вполне ясно, как римское завоевание повлияло на физическую карту Британии: что происходило с лесными массивами и болотистыми почвами, каким было объективное влияние организованной Римом эксплуатации полезных ископаемых, как хозяйственная деятельность обитателей провинции изменяла ее ландшафт²¹.

Потенциал пространственного подхода к изучению Римской Британии позволяет надеяться, что многие нерешенные сегодня проблемы найдут своих исследователей. Но, наш взгляд, помимо изучения конкретных вопросов, связанных с изменением пространства провинции, особенно важной является задача теоретической разработки понятий «пространство» и «культурный ландшафт», которые могут (и должны) превратиться из слов, удобных для построения обобщающих нарративов, в познавательные категории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барышников А.Е. История римской Британии без романзации: концепция Дэвида Мэттингли // *Studia Historica*. 2012. Вып. XII. С. 284–295. [Baryshnikov A.E. Istorija rimskoj Britanii bez romanizacii: koncepcija Devida Mettingli // *Studia Historica*. T. XII. S. 284–295].
- Барышников А.Е. Города юго-востока римской Британии I–II вв. н.э. как центры культурного взаимодействия: Дисс... канд. истор. наук. Казань, 2016а. [Baryshnikov A.E. Goroda yugo-vostoka rimskoj Britanii I–II vv. n.e. kak centry kul'turnogo vzaimodeystvia. Dissertacia na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kazan', 2016a].
- Барышников А.Е. Лондиний и взаимодействие культур на юго-востоке римской Британии I–II вв. н.э. // *Мнемон*. 2016б. Вып. 16 (2). С. 187–212. [Baryshnikov A.E. Londinij I

²⁰ О специфике возникновения Каллевы и Лондиния см.: Барышников 2016б; 2017.

²¹ Ситуация начала серьезно меняться в последние годы, во многом благодаря междисциплинарным исследованиям. См.: Witcher 2013; Lodwick 2017; 2019.

- vzaimodejstvie kul'tur na yugo-vostoke rimskoj Britanii I–II vv. n.e. // *Mnemon*. 2016b. T. 16 (2). S. 187–212].
- Барышников А.Е. Урбанизация юго-востока римской Британии: история Каллевы атребатов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2017. № 3. С. 23–32. [Baryshnikov A.E. Urbanizaciya yugo-vostoka rimskoj Britanii: istoriya Kallevy atrebatov // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2017. № 3. S. 23–32].
- Anschuetz K.F., Wilshusen R.H., Scheick C.L. An Archaeology of Landscapes: Perspectives and Directions // *Journal of Archaeological Research*. 2001. Vol. 9 (2). 2001. P. 157–211.
- Aston M. Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History. L., 1985.
- Birks H.J.B. Introduction // *The Cultural Landscape – Past, Present and Future* / ed. by H.H. Birks, H.J.B. Birks, P.E. Kaland, D. Moe. Cambridge, 1988. P. 179–188.
- Cheetham P., Hambleton E., Russell M., Smith M. Digging the Durotriges: Life and Death in Late Iron Age Dorset // *Current Archaeology*. 2013. Issue 281. P. 36–41.
- Dark K., Dark P. *The Landscape of Roman Britain*. Stroud, 1997.
- Fulford M. Retrospect and Prospect: Advancement of Knowledge, Methodologies and Publication // *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990* / ed. by M. Fulford, N. Holbrook. London, 2015a. P. 198–209.
- Fulford M. Silchester: the Town Life Project 1997–2014: Reflections on a Long Term Research Excavation // *Theoretical Roman Archaeology Conference 2014* / ed. by T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith. Oxford, 2015b. P. 114–121.
- Gardner A. Brexit, Boundaries and Imperial Identities: A Comparative View // *Journal of Social Archaeology*. 2017a. Vol. 17 (1). P. 3–26.
- Gardner A. Roman Britain from the Outside: Comparing Western and Northern Frontier Cultures // *Romans and Barbarians beyond the Frontiers: Archaeology, Ideology and Identities in the North* / ed. S. Gonsalez Sanchez, A. Guglielmi. Oxford; Philadelphia, 2017b. P. 34–47.
- Haverfield F. *The Romanization of Roman Britain*. Oxford, 1923.
- Hurst H. The Textual and Archaeological Evidence // *Oxford Handbook of Roman Britain* / ed. by M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford, 2016. P. 95–116.
- Ingate J. Water and Urbanism in Roman Britain: Hybridity and Identity. L.; N.Y., 2019.
- Ivleva T. Britons on the Move: Mobility of British-Born Emigrants in the Roman Empire // *Oxford Handbook of Roman Britain* / ed. M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford, 2016. P. 245–261.
- Jones B., Mattingly D. *An Atlas of Roman Britain*. Oxford, 2007.
- Krane N. *The Making of the British Landscape: From the Ice Age to the Present*. London, 2016.
- Lodwick L.A. Evergreen plants in Roman Britain and beyond: movement, meaning and materiality // *Britannia*. 2017. Vol. 48. P. 135–173.
- Lodwick L.A. Farming practice, ecological temporality, and urban communities at a late Iron Age oppidum // *Journal of Social Archaeology*. 2019.
- Mattingly D. *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. London, 2006.
- Mattingly D. Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting // *Journal of Roman Archaeology*. 2004. Vol. 17. P. 5–25.
- Mattingly D. *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton, 2011.
- Millett M., Revell L., Moore A. Introduction // *Oxford Handbook of Roman Britain* / ed. by M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford, 2016. P. xxvii–xxxvi.
- Perring D. Two Studies on Roman London: A. London Military Origins – B. Population Decline and Ritual Landscapes in Antonine London // *Journal of Roman Archaeology*. 2011. Vol. 24 (1). P. 249–282.
- Pitts M. The Emperor's New Clothes? The Utility of Identity in Roman Archaeology // *American Journal of Archaeology*. 2007. Vol. 111 (4). P. 693–713.
- Pitts M. Globalizing the Local in Roman Britain: an Anthropological Approach to Social Change // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2008. Vol. 27. P. 493–506.
- Pitts M., Perring D. The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex // *Britannia*. 2006. Vol. 37. P. 189–212.
- Pitts M., Versluys M.J. Globalisation and the Roman world: perspectives and opportunities // *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives* / ed. by M. Pitts, M.J. Versluys. Cambridge, 2015. P. 3–31.

- Pryor F. *The Making of the British Landscape: How We Have Transformed the Land, from Prehistory to Today*. London, 2011.
- Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge, 2009.
- Revell L. *Ways of Being Roman: Discourses of Identity in the Roman West*. Oxford; Philadelphia, 2016.
- Rivet A.L.F., Smith C. *The place-names of Roman Britain*. London, 1979.
- Robb J.G. The 'ritual landscape' concept in archaeology: a heritage construction // *Landscape Research*. 1998. Vol. 23. P. 159–174.
- Rogers A. *Water and Roman Urbanism: Towns, Waterscapes, Land Transformation and Experience in Roman Britain*. Leiden; Boston, 2013.
- Sargent A. The North-South Divide Revisited. Thoughts on the Character of Roman Britain // *Britannia*. 2002. Vol. 33. P. 219–226.
- Stewart P.C.N. Inventing Britain: the Roman Creation and Adaptation of an Image // *Britannia*. 1995. Vol. 26. P. 1–10.
- Witcher R.E. On Rome's Ecological Contribution to British Flora and Fauna: Landscape, Legacy and Identity // *Landscape History*. 2013. Vol. 34 (2). P. 5–26.
- Witcher R.E. Roman roads: phenomenological perspectives on roads in the landscape // *TRAC 97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference* / ed. P. Barker, C. Forcey, S. Jundi, R. Witcher. Oxford, 1998. P. 60–70.

Барышников Антон Ералыевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр когнитивных программ и технологий РГГУ, baryshnikov85@gmail.com

Imperial threat and the transformation of landscape The Spatial history of Roman Britain

The paper considers some perspectives of research of Romano-British space and landscape. Last decades were marked by the significant increase of the publications focused on the problems of the transformation of the island in Roman period. This 'spatial turn' seems to be far from the end, and the key terms and concepts are still requiring theoretical rethinking. But as one can see now, the study of Romano-British space and cultural landscape allows to make another step towards the creation of a new multivocal narrative, combining different views on the regional change I–IV AD: subjective Roman and objective archaeological ones.

Keywords: Roman Britain, space, cultural landscape, provinces of Roman Empire

Anton E. Baryshnikov, Ph.D. in History, research fellow, Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities; baryshnikov85@gmail.com